
Цветелин Степанов

БОЛГАРСКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ IV–IX вв.: ОТ ВОЖДЕСТВА К РАННЕМУ ГОСУДАРСТВУ

Аннотация: Автор использует ключевые концепты «вождество» и «раннее государство» («chiefdom» и «early state»), чтобы попытаться очертить процесс развития ранней государственности у праболгар и ее трансформации. Учитывается тот факт, что праболгары в период до 680-х годов тесно связаны с пространством степной империи и унаследовали отсюда ряд черт своей государственности. В период до создания «Старой Великой Болгарии» Кубрата (632 г.) ранние болгары еще не достигли стадии типичного раннего государства. Поэтому более удачно говорить о наличии «стратифицированного (поздне-потестарного) общества», или так называемого «сложного вождества». «Старая Великая Болгария» Кубрата находилась на стадии между «сложным вождеством» и «ранним государством», но на данный момент более аккуратная формулировка не может быть дана. На этапе с начала IX в. и до крещения в 860-х годах, болгарская государственность «модернизуется»: Болгария — уже типичное «варварское» государство, но не типа, характерного для Западной Европы и известного как «германо-римский синтез», а *степного* (ирано-тюркского) с осторожно «дозированными» *римскими/ромейскими* элементами. Кажется, что все эти «дозированные» ромейские элементы являются и главным, специфическим вкладом болгар в становление ранних государств средневековой Европы. Для автора не представляется приемлемым считать, что Дунайскую Болгарию середины IX в. можно описать термином «имперская конфедерация» центрально-азиатского типа. То же самое можно сказать и о термине «сложное/комплексное вождество» («complex chiefdom, или даже «supercomplex chiefdom»).

Ключевые слова: праболгары, вождество, раннее государство, имперские конфедерации, степная империя

В этой статье я намерен использовать ключевые концепты «вождество» и «раннее государство» («chiefdom» и «early state»), которые оказались достаточно продуктивными в течение нескольких последних десятилетий в исследовании становления ранних государств. Подходы разных научных дисциплин из области истории и культурной/социальной антропологии сочетаются таким образом,

что это приводит к более точным наблюдениям и выводам относительно постепенного развития раннесредневековой государственности в Евразии и формирования классических раннесредневековых государств на Европейском континенте. Однако наличие двух уровней анализа — социально-антропологического и исторического — может в отдельных случаях в какой-то степени создавать трудности для интерпретации явлений, поскольку приходится синхронизировать и сочетать разные подходы, терминологический аппарат, концепции и т. д.

Следует еще с самого начала учесть давно установившееся мнение Г. Клаессена и П. Скальника¹, что формирование государств в действительности является продолжительным процессом, а не отдельным актом, т. е. государство обычно находится «в движении-и-развитии». Нужно также обратить внимание на еще одну важную особенность: не существует общей и обязательной для всех отдельных случаев причины возникновения государств. Множество самых разнообразных факторов внутреннего и внешнего характера (рост прибавочной стоимости, развитие технологий, прирост населения, экологические проблемы, война и завоевание чужих территорий, внешние влияния и торговля, идеологические моменты и т. д.) могут оказать более или менее сильное влияние на процессы формирования государства².

Что касается праболгар, то достаточно широкие хронологические рамки (IV–IX вв.) их исследования выбраны здесь намеренно. Цель такого подхода — попытаться наметить, хотя и коротко, процесс становления ранней государственности у праболгар, а также ее трансформации. Следует учитывать и тот факт, что праболгары в период до 680-х гг. тесно связаны с пространством «степной империи» и унаследовали отсюда ряд черт своей государственности. Таким образом, хорошо известные исследования

---

¹ *Claessen H., Skalnik P. Limits: Beginning and End of the Early State // The Early State / H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; P.; N.Y., 1978. P. 619–635, особенно P. 620.*

² *The Early State; The Study of the State / H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague, 1981; Claessen H.J.M. Was the State Inevitable? // Social Evolution & History. 2002. Vol. 1. P. 101–117; Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). Киев, 1989; Коротаев А.В. Социальная эволюция: Факторы, закономерности, тенденции. М., 2003; Kradin N. State Origins in Anthropological Thought // Social Evolution & History. 2009. Vol. 8. No. 1. P. 28–29.*

Л. Крэйдера³, Р. Карнейро⁴, Т. Эрла⁵, Т. Барфилда⁶, А. Хазанова⁷, Н. Ди Космо⁸, М. Дромпа⁹, П. Голдена¹⁰, Н.Н. Крадина¹¹, С.Г. Кляшторного¹² — даю здесь лишь небольшой перечень авторов, работавших по этим проблемам, — являются хорошей базой для сравнения с праболгарским «казусом».

Тема ранней болгарской государственности, рассматриваемой через призму концептов «вождества» и «раннего государства» (в болгарской литературе встречаются еще термины «родовое» и «варварское» государство¹³), уже была поставлена в современной болгарской историографии в 90-х годах прошлого века О. Ми-

---

³ *Krader L.* Formation of the State. Englewood Cliffs, N.J., 1968; *Idem.* The Origin of the State among the Nomads of Asia // *The Early State*. P. 93–107.

⁴ *Carneiro R.* The Chiefdom as Precursor of the State // *The Transition to Statehood in the New World* / G. Jones, R. Kautz. Cambridge, 1981. P. 37–79.

⁵ *Earle T.* Chiefdoms in Archaeological and Ethnohistorical Perspective // *Annual Review of Anthropology*. 1987. Vol. 16. P. 279–308.

⁶ *Barfield Th.* The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China. Oxford, 1989; *Idem.* Tribe and State Relations: The Inner Asian Perspective // *Tribes and State Formation in the Middle East* / P.S. Khoury, J. Kostiner. L., 1991. P. 153–182.

⁷ *Khazanov A.* Nomads and the Outside World. Madison; Wisconsin, 1984; 2nd ed. 1994.

⁸ *Di Cosmo N.* Ancient Inner Asian Nomads: Their Economic Basis and Its Significance in Chinese History // *The Journal of Asian Studies*. 1994. Vol. LIII/4. P. 1092–1126; *Idem.* Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History. Cambridge, 2004.

⁹ *Drompp M.* Imperial State Formation in Inner Asia: The Early Turkic Empires (6th to 9th Centuries) // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2005. Vol. 58/1. P. 101–111.

¹⁰ *Golden P.* Ethnicity and State Formation in Pre-Çinggisid Turkic Eurasia // *The Central Eurasian Studies Lectures* 1. Bloomington, Indiana, 2001; *Idem.* Nomads and their Neighbours in the Russian Steppe: Turks, Khazars and Qipçaqs. Hampshire; Burlington, 2003.

¹¹ *Крадин Н.Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: От первобытности к государственности. М., 1995. С. 11–61; *Он же.* Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 21–32; *Kradin N.* Nomadic Empires: Origins, Rise, Decline // *Nomadic Pathways in Social Evolution* / N. Kradin, D. Bondarenko, Th. Barfield. Moscow, 2003. P. 73–87; *Idem.* State Origins in Anthropological Thought. P. 25–51; *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. М., 2006.

¹² *Кляшторный С.Г.* Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии // Проблемы политогенеза кыргызской государственности. Бишкек, 2003. С. 115–125; *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и Средневековье. СПб., 2000.

¹³ См.: *Божилов Ив.* Раждането на средновековна България (нова интерпретация) // Исторически преглед. 1992. № 1–2. С. 3–34; *Он же.* Седем етюда по средновековна история. София, 1995. С. 11–72, особенно С. 61; *Степанов Цв.* Власт и

наевой¹⁴ и Цв. Степановым¹⁵. Автор настоящей статьи рассматривал преимущественно специфику Кубратовой «Великой (или Большой) Болгарии»¹⁶ и Дунайской Болгарии в период правления Крума (803–814 гг.) и до крещения болгар¹⁷.

Также в 90-е годы прошлого века другой болгарский автор, И. Божилов, предпочел рассматривать Дунайскую Болгарию как «варварское государство»¹⁸, но не использовал термина «вожде-ство» и его производных («chiefdom»/«dukedom»), которые позволили бы разделить на отдельные подпериоды время между 630-ми/681 г. и 865 г. Начиная с VII в. и далее, Божилов считает удачным применение к праболгарской государственности схемы западноевропейской раннесредневековой государственности, где термин «варварское государство» давно установлен. Проблема этого подхода состоит в том, что раннесредневековые «варварские» государства Западной Европы, как известно, явились продуктом синтеза *германских*, *римских* и *христианских* элементов, в то время как для праболгар вопрос о синтезе с началами ромейской христианской и имперской идеологии не стоял до конца VIII — начала IX в.

Что касается периода до создания «Старой Великой Болгарии» Кубрата, государственного объединения праболгар на севере Черного и около Азовского моря и севернее р. Кубань, то можно утверждать, что тогда ранние болгары еще не достигли стадии типичного раннего государства. Поэтому, думается, удачнее говорить о наличии «стратифицированного (поздне-потестарного) общества», которое некоторые авторы приписывают ранним аланам в Европе¹⁹,

---

авторитет в раннесредневековна България (VII — средата на IX в.). София, 1999; *Он же*. Средновековните българи. Нови факти, интерпретации, хипотези. София, 2000. С. 108.

¹⁴ *Minaeva O.* From Paganism to Christianity: Formation of Medieval Bulgarian Art (681–972). Frankfurt am Main et al., 1996. P. 16–17.

¹⁵ *Степанов Цв.* Власт и авторитет в раннесредневековна България; *Он же*. Средновековните българи. С. 107–108; *Он же*. Българите от най-древни времена до втората половина на VII в. // История на българите. Т. 1: От древността до края на XVI век / Под редакцията на Г. Бакалов. София, 2003. С. 44–46)

¹⁶ *Степанов Цв.* Българите от най-древни времена до втората половина на VII в. С. 44–46.

¹⁷ *Степанов Цв.* Власт и авторитет в раннесредневековна България.

¹⁸ *Божилов Ив.* Раждането на средновековна България; *Он же*. Седем етюда по средновековна история. С. 11–72.

¹⁹ *Гутнов Ф.Х.* Аланы начала нашей эры в закавказских памятниках // ДГ. 2003 год. М., 2005. С. 62.

или, другими словами, о «сложном вождестве»²⁰. Здесь я имею в виду разные группы болгар, описанные в сочинениях периода IV–VI вв. как вторгающиеся в земли Восточной Римской империи или как проживающие на дунайской границе той же империи. Как правило, во главе их стояли военные вожди, которые иногда были независимыми, а иногда подчинялись одному из верховных каганов степной империи. Так, группы болгар были подвластны гуннской квази-империи, а позже, с 60–70-х гг. VI в., признавали власть каганов авар или тюрков. Другие подчинялись лангобардам на Апенинском полуострове. Очевидно, до периода Кубратовой Болгарии, т. е. до 632 г., не может быть и речи о наличии стабильного, централизованного государства среди ранних болгар, занимавших территории к северу от Кавказа и в регионах Центральной и Юго-Восточной Европы. Это видно и в «Именике болгарских князей»²¹, где неслучайно годы правления (жизни ?) Авитохол и Ирника, первых правителей праболгар согласно данному памятнику, окутаны мифологическим покровом: они «живут» (*sic!*), соответственно, 300 и 150 лет. Совсем очевидно, что эти двое правителей заменили всех реально управлявших вождей с середины II в. (начало периода «Авитохол»)²² до начала VII в. Но это не означает, что в рассматриваемых политических предгосударственных формированиях не существовало никакого аппарата принуждения или классового расслоения, хотя и, конечно же, слабо выявленного. Последнее, вероятно, было двухступенчатым: были *управляющие* и *управляемые*. Несомненно, существовал своеобразный совет старейшин из среды «боилов», который советовал верховному вождю, управляющему независимо или будучи подчиненным кому-то из каганов. Все-таки необходимо подчеркнуть, что такой аппарат находился лишь на стадии зарождения. С уверенностью можно утверждать, что до начала VII в. вожди праболгар действовали как политические, военные и экономические лидеры. Одной из самых важных их задач, в то же время являвшейся и их привилегией, было осуществление связей с чужими кочевыми и оседлыми политическими формированиями. Во времена мира, ко-

²⁰ См.: Крадин Н.Н. Вождество. С. 24–25, с литературой.

²¹ Попов А.Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Т.1; Pritsak O. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955.

²² Степанов Цв. Мифологические стратегии генеалогии власти в раннесредневековой Болгарии и Хазарии // Хазарский альманах. Харьков, 2010–2011. Т. 9. С. 241–257.

торые в IV–VI вв. были редкостью в этой части Европы, власть и влияние вождей опирались на их личный престиж и способность регулировать отношения между разными слоями общества. Так как мужчины, следовавшие за такими лидерами, в принципе были свободными и носили оружие, их вождям было нелегко применять к ним внеэкономические меры принуждения. Г.Е. Марков, следуя хорошо знакомой схеме Л. Моргана, развитой также К. Марксом и Ф. Энгельсом, называет эту стадию «военной демократией»²³. Согласно другим авторам, к которым присоединяюсь и я, еще точнее данную стадию можно определить как стадию «вождества» («chiefdom»).

«Старая Великая Болгария» Кубрата находилась на переходной стадии между «сложным вождеством» и «ранним государством», но на сегодняшний день предложить более аккуратную формулировку затруднительно. Также трудно утверждать, когда именно это политическое формирование трансформировалось из «вождества» в «раннее государство». Проследить детально данный процесс во времени сложно. Такая констатация вполне согласуется с давно замеченной в науке особенностью: указать точный момент возникновения государства невозможно²⁴. Ясно, что в таком формировании наличествует комплексная социальная структура и социальное неравенство, но это — элементы, встречающиеся еще на фазе «вождества»²⁵; кроме того, имеются централизаторские тенденции, характерные в принципе для степной Евразии в ситуации появления ранней государственной организации; ясно и то, что государь Кубрат был лидером харизматического рода (Дуло, согласно «Именнику болгарских князей»); известно также наличие абсолютного подчинения мужчин, женщин и детей главе клана. Все это — черты «(сложного) вождества», которые не упраздняются с переходом к раннему государству²⁶.

²³ *Markov G.E. Problems of Social Change Among the Asiatic Nomads // The Nomadic Alternative / W. Weissleder. The Hague; Paris, 1978. P. 311; подробнее см.: Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.*

²⁴ *Claessen H., Skalnik P. Limits: Beginning and End of the Early State. P. 620.*

²⁵ *Ibidem. P. 621.*

²⁶ *Carneiro R. Scale Analysis, Evolutionary Sequences, and the Rating of Cultures // A Handbook of Method in Cultural Anthropology / R. Naroli, R. Cohen. N.Y., 1970. P. 834–871; Service E. Primitive Social Organization. 2nd ed. N.Y., 1971; Idem. Origins of the State and Civilization. N.Y., 1975.*

В пользу такой гипотезы говорит и факт специфического разделения власти после смерти Кубрата — она перешла к его сыновьям, но в то же время признавалось лидерство самого старшего из них, Бат' Баяна, который одновременно руководил так называемой Первой Болгарией и всем союзом праболгарских племен. Такая практика была характерна для степной империи, хотя многие авторы, среди которых О. Прицак и П. Голден, склонны искать схожий механизм распределения власти, территорий и подданных на этапе становления ранней русской государственности, в частности до конца X в.²⁷

Все еще не проведено углубленное изучение проблемы степени влияния Боспорского царства на политическую формацию, во главе которой стоял Кубрат, на что обратил внимание О. Прицак²⁸, а в последние годы — и болгарские исследователи С. Чурешки и К. Станев²⁹. Речь идет как о множестве совпадений болгарских аристократических личных имен с именами, прочитанными в боспорских надписях (ср., например, болгарские *Аспарух*, *Остро*, *Гостун*, *Мостич*, *Токт*, *Телец*, *Паган* с боспорскими *Аспар/Аспургос*, *Оструи/Острус*, *Гастеис*, *Мостиос/Мастус*, *Токтос*, *Телесинос*, *Паганос*)³⁰, так и о сходстве родового имени *Дуло* (известного из уже упомянутого «Именника болгарских князей») с боспорским именем *Дулас*³¹; а родовое болгарское имя *Ерми* также сходно с боспорским *Ермиас/Ермас/Ермес*³². Можно добавить

²⁷ Golden P. "Ascent by Scales": the System of Succession in Kievan Rus' in a Eurasian Context // States, Societies, Cultures: East and West. Essays in Honor of Jaroslav Pelenski / J. Duzinkiewicz et al. N.Y., 2004. P. 229–258; Pritsak O. The System of Government under Volodimer the Great and His Foreign Policy // Harvard Ukrainian Studies. 1995 [1997]. Vol. 19. P. 572–593.

²⁸ Прицак О. Българо-арабска кореспонденция от IX век // Минало. 2006. № 1. С. 16–19.

²⁹ Чурешки С. Имената на князете от Именника на българските князе — славянски, тюркски или други? // Минало. 2001. № 3. С. 15–29, особенно С. 27; Станев К. Боспорското наследство на прабългарите. Защо Аспарух е носил това име и произход на знака ГYI // Минало. 2005. № 1. С. 25–34. См. также: Мошев Ал. Родовото име Дуло — произход и значение (Една хипотеза) // Старобългаристика/Palaeobulgaria. 2008. № 1. С. 19–35; Степанов Цв. Болгарские, аварские и хазарские аристократические имена в эпоху раннего средневековья (К вопросу о скифско-сарматском и алтайском наследстве в Центральной и Восточной Европе) // Anamnesis. 2010. № 11. С. 29–46, online at URL: <<http://www.anamnesis.info>>.

³⁰ См.: Корпус Боспорских надписей / Отв. ред. В.В. Струве. Л., 1965. №№ 59, 417, 795, 907, 924, 932, 962, 963, 1134, 1142 и др.

³¹ Крыкин С.М. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993. С. 62–64.

³² Корпус Боспорских надписей. №№ 73, 102, 399, 400, 619, 778, 988 и др.

и тот факт, что так называемый «знак ипсилон с двумя гастами» (YI), обнаруженный во многих местах Северного Причерноморья, имеет свои аналогии и на территории Дунайской Болгарии (IX–X вв.).

Совсем недавно русские авторы С.А. Васютин и А.Ю. Пугачев³³ проявили интерес к рассмотрению ранней болгарской государственности через призму понятия «вождества», хотя не отразили того, что писали О. Минаева и Цв. Степанов. Но невозможно согласиться с их тезисами о достижении дунайскими болгарами стадии «“зачаточного” раннего государства» (*sic!*) лишь в первых трех десятилетиях IX в. и о сохранении у них стадии «вождества» вплоть до управления Кардама, т. е. до самого конца VIII в. Представляется, что специфика этапа, протекавшего с конца VII до самого конца VIII в., заключается в том, что Дунайская Болгария была расположена частично на бывших территориях Ромейской державы, к тому же в качестве признанного византийцами государства, а не просто в качестве владения с федератским статусом. Ее статус *государства* признается также западноевропейскими христианскими королевствами, для которых болгарские государи были «королями» (в источниках «*reges*»). Необходимо подчеркнуть, что черты государственности праболгар этого периода не схожи с чертами государственности ромеев³⁴. При этом Дунайская Болгария VIII в. также не представляется типичной центрально-азиатской кочевнической «имперской конфедерацией».

Что касается следующего этапа, с начала IX в. и до крещения болгар в 860-х гг., то болгарская государственность «модернизуется», и при Омуртаге (814–831) и его наследниках она уже — типичное «варварское» государство, но, конечно же, не типа, известного как «германо-римский синтез», характерного для Западной Европы, а типа *степного* (ирано-тюркского), с осторожно «дозированными» *римскими/ромейскими* элементами³⁵. В начале IX в. в болгарском государстве появляются такие ро-

³³ Васютин С.А., Пугачев А.Ю. Тюрко-болгары, Византия и славяне в конце VII — VIII веке: Модель военно-политической адаптации кочевников в полупериферийной зоне земледельческой цивилизации // Славяноведение. 2009. № 4. С. 3–16.

³⁴ Степанов Цв. Власт и авторитет в раннесредновековна България, *passim*.

³⁵ Там же; Степанов Цв. Средновековните българи; *Stepanov Ts. The Bulgars and the Steppe Empire in the Early Middle Ages: The Problem of the Others*. Leiden; Boston, 2010.

мейские титулы, как «стратег» и «кандидат»³⁶, а также административное деление, при котором используется старый римский, а впоследствии и западноевропейский, термин «комитат». Этот термин с точностью зафиксирован во время царствования Бориса (852–889), а по мнению некоторых авторов, он встречается уже во время правления Омуртага, т. е. в 820-х гг. Тот же Омуртаг высекает как минимум два монетообразных медальона, на которых он изображен как ромейский василевс, т. е. здесь наблюдается и характерное для «варварских государств» *imitatio imperii*³⁷. Кажется, что эти осторожно «дозированные» ромейские элементы являются и главным, специфическим вкладом болгар в становление ранних государств в средневековой Европе. Тот же Омуртаг стремился четко определить границы государства и успел осуществить свой политический проект, заключая тридцатилетний мир с Византией в 815 (или 816?) г.³⁸ Болгарский государь проявил терпение к франкам и в 20-е годы IX в. отправил по меньшей мере три посольства к ним со специальной целью определить совместные границы в районе рек Дуная и Тисы. Только после явной демонстрации пренебрежения к решению этого вопроса со стороны франков болгарский государь послал карательную экспедицию против них и близких им славянских князей, которая закончилась полным успехом болгар³⁹. Определение границ и стремление зафиксировать их в письменных соглашениях можно считать еще одной чертой раннего государства.

Одновременно с этим, однако, продолжается и хорошо знакомое в степной империи деление власти на левое и правое крыло и на центр, о чем свидетельствует надпись на камне из Хамбарли (нынешняя болгарская деревня Маламирово), воздвигнутом по приказу кана Крума в начале IX в. (вероятно после битвы при

---

³⁶ Бешевлиев В. Първобългарски надписи. Второ преработено и допълнено издание. София, 1992. С. 187, № 47.

³⁷ Stepanov Ts. The Bulgar Title ΚΑΝΑΣΥΒΙΓΙ: Reconstructing the Notions of Divine Kingship in Bulgaria, 822–836 // Early Medieval Europe. 2001. Vol. 10/1. P. 1–19, с литературой; Степанов Цв. *Imitatio Imperii Romanorum (et Christianorum)*: имперска символика при българи и франки в началото на IX век // Средновековният българин и «другите». Сборник в чест на 60-годишнината на проф. дин Петър Ангелов / Съставители А. Николов и Г.Н. Николов. София, 2013. С. 87–96.

³⁸ Бешевлиев В. Първобългарски надписи. С. 164–175, № 41; ср.: Treadgold W. The Bulgars' Treaty with the Byzantines in 816 // Rivista di Studi Bizantini e Slavi. 1984. Т. 4. P. 213–220.

³⁹ См.: Stepanov Ts. The Bulgar Title, с литературой.

Версиникии в 813 г.)⁴⁰. В надписи сказано, что ичиргубоил Тук возглавлял «правую сторону» так называемого *саракта* Крума, а «левой стороной» руководил кавхан Иратаис. Очевидно, центр саракта был под начальством самого брата Крума. Особого внимания заслуживает тот факт, что все они имели в качестве подчиненных *стратегов* (*sic!*) Вардана, Яни, Кордила и Григораса, т. е. знатных ромеев (некоторые из них, судя по их именам, вероятно, были армянского происхождения), перешедших на болгарскую службу.

Надпись *канасубиги* Маламира (831–836) уже показывает наличие двойного деления аристократии в Дунайской Болгарии — на боилов («старших») и багаинов («младших»), которые начальствовали над остальными свободными болгарами. Надпись гласит: «Канасубиги Маламир, от Бога архонт; его старый боил, кавхан Исбул, соорудил этот фонтан (водопровод?) и дал его государю. А архонт дал болгарам (*sic!*) много раз еды и питья, а боилам (*sic!*) и багаинам (*sic!*) — большие подарки. Бог да удостоит Богом поставленного архонта прожить вместе с кавханом Исбулом сто лет!»⁴¹. Подобное трехчастное деление (боилы, багаины и простой люд) праболгарского общества к 30-м годам IX в. свидетельствует о зашедшем далеко вперед социальном расслоении, что является несомненным признаком раннего государства. Для этого типа государства характерно еще и масштабное строительство, и в частности строительство представительных, монументальных зданий, особенно в столичных центрах и резиденциях власти. В Болгарии, начиная с конца первого десятилетия IX в., именно такими центрами были Плиска, Преслав, Дрыстыр (сегодняшний г. Силистра на Дунае). Кроме них, были построены еще ряд аулов, т. е. укрепленных пунктов⁴².

⁴⁰ *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. С. 187, № 47.

⁴¹ Там же. С. 225, № 58; о социальной структуре см. также: *Степанов Цв.* Власт и авторитет в ранносредновековна България. С. 72–76, с литературой.

⁴² *Ваклинова М.* Дворците в средновековна България // България 1300. Институции и държавна традиция. София, 1982. Т. 2. С. 255–263; *Станков С.* Селища и аули (някои въпроси за преселението и усядането на прабългарите на Долния Дунав — VII–VIII в.) // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984. С. 100–105; *Георгиев П.* Големият езически храм в Плиска // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1989. [Т. 1]. С. 338–354; *Гюзелев В.* Отново за столиците на средновековна България (Няколко нови гледнища и хипотези) // *Studia protobulgarica et mediaevalia europemisia* (в чест на проф. Веселин Бешевлиев). Велико Търново, 1993. С. 3–13; *Панова Р.* Столичният град

К первой половине IX в. можно наметить еще одну черту раннего государства дунайских болгар. Это хорошо развитый бюрократический аппарат, что особенно отчетливо видно в болгарских каменных надписях. В них встречается ряд титулов и должностей, которые, как правило, не могут быть четко разделены по функциям и полномочиям, но их большое число не оставляет сомнений относительно высокого развития аппарата власти. Среди них можно отметить титулы *кавхан*, *ичиргубоил*, *жупан*, *имник/миник*, *дронг/другове*, *багатур*, *колобър*, *таркан*, *мир*, *чигот*, *боритаркан*, *копан* и т. д.⁴³. Хорошо известно, что именно присутствие сильно развитого, специализированного государственного аппарата является ясным признаком наличия раннего государства на данной территории⁴⁴. К первой половине IX в. в Болгарии этот аппарат был основан не только на распространенном в степной Евразии обычае привлечения близких и дальних родственников государя для целей управления, но и на принципе настоящей меритократии, т. е. на привлечении к определенным должностям людей, имеющих заслуги перед государем, но с более низким для данного государства статусом. Таким людям поручались особые задачи, чаще всего связанные с собиранием налогов, войнами, управлением городами и организацией пограничной охраны.

К сказанному можно добавить еще и с точностью установленное к первой половине IX в. появление среди праболгар института «кормильцев» (*threptoi anthropoi*), который родствен институту кормильства в Древней Руси, а также институту *nutriti* в раннесредневековой Франкии⁴⁵. Данный обычай засвидетельствован в

в культурата на средновековна България. София, 1995. С. 49–70; *Рашев Р.* Българската езическа култура VII–IX век. София, 2008, *passim*; *Степанов Цв.* Власт и авторитет в ранносредновековна България. С. 126–129, 148–149, 156–160; *Бояджиев С.* Архитектурата на българите от VII до XIV век в три тома. София, 2008. Т. 1: Дохристиянска архитектура, *passim*; *Чобанов Т.* Свещените дворци на българските канове. София, 2008, *passim*.

⁴³ *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи; *Бакалов Г.* Средновековният български владетел (Титулатура и инсигнии). София, 1985; *Степанов Цв.* Власт и авторитет в ранносредновековна България; *Славова Т.* Владетел и администрация в ранносредновековна България. Филологически аспекти. София, 2010.

⁴⁴ *Wittfogel K.* Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven, CT, 1957. P. 239.

⁴⁵ *Степанов Цв.* Владетелската доктрина в предхристиянска България (Един опит за «прочит» и интерпретация) // Родина. 1997. № 3–4. С. 5–18; *Он же.* Власт и авторитет в ранносредновековна България. С. 93–94.

надгробных надписях на камне, датированных временем правления канов Омуртага и Маламира, в которых, в качестве основного элемента, наряду с именем государя, рода и титула умершего, всегда указывается и его положение государева кормильца⁴⁶.

Следовательно, не представляется приемлемым считать, что Дунайскую Болгарию середины IX в. можно описать термином «имперская конфедерация» центрально-азиатского типа. То же самое можно сказать и о термине «сложное/комплексное вожжество» («complex chiefdom», или даже «supercomplex chiefdom»)⁴⁷. Если бы в IX в. Дунайская Болгария действительно принадлежала к упомянутому типу, то частые центробежные тенденции и проявления сепаратизма были бы характерны для болгар. Напротив, как отметил Д. Цийман, Болгария — в отличие от многих других политических систем раннего средневековья — проявляет «относительную стабильность» и это, на самом деле, замечательно⁴⁸.

В итоге хотелось бы обратить внимание на еще один момент. Мне кажется, что было бы неправильно связывать ранние болгарские политические формирования до середины IX в. только с их экономической спецификой. Без всякого сомнения, нужно отметить и те характеристики, которые связаны с их идеологией и с их (прото)государственным устройством и которые в действительности позволяют причислить их к типу «степной империи», в особенности сакрализация власти и связанная с ней харизма государя⁴⁹. То, что мы теоретически относим Дунайскую Болгарию до IX в. к степным империям, не означает, что хозяйство болгар было типично кочевым. Археологические данные одно-

---

⁴⁶ *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. С. 227–240, №№ 59–69; *Степанов Цв.* Власт и авторитет в ранносредновековна България. С. 92–94, с литературой.

⁴⁷ *Крадин Н.Н.* Кочевые общества. Владивосток, 1992; *Kradin N.* State Origins in Anthropological Thought. P. 42; *Nomadic Pathways in Social Evolution.*

⁴⁸ *Ziemann D.* Between Authoritarianism and Consensus: Domination and the Role of Nobility in the First Bulgarian Realm (7th — late 9th century) // *Bulgaria Mediaevalis / V. Gjuzelev, V. Tăpkova-Zaimova, K. Nenov.* Sofia, 2011. Vol. 2. P. 395.

⁴⁹ *Степанов Цв.* Власт и авторитет в ранносредновековна България; *Stepanov Ts.* The Bulgar Title; *Idem.* Rulers, Doctrines, and Title Practices in Eastern Europe, 6th–9th Centuries // *Archivum Eurasiae Medii Aevi.* 2005. Vol. 14. P. 263–279 [= *Степанов Цв.* Развитие концепции сакрального царя у хазар и болгар эпохи раннего Средневековья // *Хазары / В.Я. Петрухин и др.* М.; Иерусалим, 2005 (Евреи и славяне. Т. 16). С. 317–325]; *Степанов Цв.* *Imitatio Imperii Romanorum (et Christianorum)*; в связи с Хазарией см., например: *Живков Б.* Хазария през IX и X век. София, 2010. С. 333, 338.

значно указывают на наличие смешанной экономики, какая была и у Хазарского каганата в VIII–X вв.⁵⁰. Если изменить привычную перспективу, при которой сопоставляются оседлые и кочевники, то в глазах, например, печенегов и мадьяр VIII–IX вв. дунайские болгары несомненно выглядели бы как оседлое население, а Болгария — как «седентарное государство» («sedentary state»)⁵¹. Именно с этого ракурса становится ясно, что ранние политико-государственные формации, такие как Болгария и Хазария после VII–VIII вв., не могут быть причислены к типу кочевых конфедераций Центрально-Азиатского региона (или к «имперским конфедерациям», как называет их Т. Барфильд). Таким образом, их характеристики и специфические черты нуждаются в более углубленном рассмотрении. Это в особенности относится к дунайским болгарам после первого десятилетия IX в., когда они овладевают немалой долей восточного и центрального Балканского полуострова, а их экологическое пространство (или так называемая экологическая ниша) больше не может рассматриваться сквозь призму степного пространства и экономики. Иными словами, они перестают быть северной периферией оседлой римской цивилизации, что неминуемо ведет к изменениям, которые более десяти лет тому назад я предпочел условно назвать «модернизацией»⁵². Необходимо иметь в виду и то, что с этого момента праболгары попадают в ситуацию «контактной зоны»⁵³ с Византийской империей на территориях сегодняшних Болгарии, Македонии, Северной Греции и Сербии — давних владений Византии, — а этот факт не мог не способствовать интенсификации процессов развития новых элементов раннего государства среди праболгар.

---

⁵⁰ Noonan Th. The Khazar Economy // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1995–97. Vol. 9. P. 253–318; *Idem*. Some Observations on the Economy of the Khazar Khaganate // The World of the Khazars. New Perspectives. Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium. Leiden; Boston, 2007. P. 207–244; Живков Б. Хазария, *passim*.

⁵¹ Ср. про хазар и, соответственно, с другой стороны, взгляд печенегов, мадьяр и огузов на них: Живков Б. Хазария. С. 331.

⁵² Степанов Цв. Средневековните българи. С. 96.

⁵³ Ср.: Арутюнова-Фиданян В.А. К вопросу об основных характеристиках контактной зоны // Контактные зоны в истории Восточной Европы: Перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995. С. 42–61; Королюк В.Д. Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе // Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975. С. 158–184; Контактные зоны.

Управление таких формаций всегда было ориентировано на централизацию всего государства и на установление такой же централизованной верховной власти, с ясно подчеркнутым сакральным характером⁵⁴. Заметна также и отчетливая тенденция, что правители таких государств живут в известном отдалении от своих подданных, обычно за стенами или в укрепленном и четко обособленном пространстве⁵⁵. Это можно видеть в Плиске, столице Дунайской Болгарии, где после 811 г. для государя был воздвигнут ряд построек (среди которых жилые здания, бани, бассейн, хозяйственные помещения, здания для охраны, языческий храм), огороженных стеной⁵⁶. Это означает наличие постоянной резиденции государя⁵⁷ или, по меньшей мере, такой резиденции, которая (в конкретном болгарском случае) служит ему в качестве дома и убежища, чаще всего зимой. Такова ситуация и с дворцом в хазарской столице Итиль на Волге, о чем свидетельствует переписка хазарского каган-бека Иосифа с видным иудеем из Кордобского халифата Хасдаем б. Шафрутом (сер. X в.)⁵⁸.

Итак, еще с первых десятилетий IX в. в Дунайской Болгарии можно видеть все те элементы, которые исследователи давно наметили как характеризующие раннее государство⁵⁹: постоянная резиденция, централизованное управление, независимость от других государств, комплексная социальная стратификация и ясно очерченные прослойки, постоянное производство избыточной продукции, сакрализованная верховная власть, которая в состоянии регулировать социально-экономические отношения между классами и устанавливать налоги со всех подданных, а также перераспределять производственные избытки, наличие специализированного и эффективного бюрократического аппарата⁶⁰ и всеобщие законы,

⁵⁴ *Claessen H., Skalnik P.* The Early State: Models and Reality // The Early State. P. 639; *Степанов Цв.* Власт и авторитет в ранносредновековна България. С. 171.

⁵⁵ *Claessen H., Skalnik P.* The Early State. P. 639.

⁵⁶ *Ваклинова М.* Дворците в средновековна България; *Панова Р.* Столичният град. С. 49–70; *Степанов Цв.* Власт и авторитет в ранносредновековна България. С. 126–129, 148–149, 156–160, 172.

⁵⁷ *Claessen H., Skalnik P.* The Early State. P. 639.

⁵⁸ *Кокочицов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

⁵⁹ Ср.: *Claessen H., Skalnik P.* The Early State. P. 639–640; *Kradin N.* State Origins in Anthropological Thought. P. 25–51, особенно P. 31–34.

⁶⁰ Ср.: *Wittfogel K.* Oriental Despotism. P. 239; *Крадин Н.Н.* Вождество. С. 44; *Kradin N.* State Origins in Anthropological Thought. P. 33.

т. е. установленные для всех поданных, вне зависимости от их племенной принадлежности. А как говорится в византийском трактате X в. «Суда» («Суидас», «Свидас»), такие законы появились среди праболгар во время правления Крума, т. е. в самом начале IX в. Хотя наличие письменности не является необходимым условием существования раннего государства⁶¹, таковая имеется в Дунайской Болгарии с начала IX в. Праболгары (или, точнее, центральная власть) пользовались греческим письмом для своих нужд, и каменная летопись является хорошим свидетельством этой практики.

«Модернизация» эта, однако, приобретает свой завершённый вид лишь после крещения болгар во второй половине IX в. И все же, даже до попадания Дунайской Болгарии под византийскую власть (1018 г.), некоторые термины степной империи, в особенности из сферы титулатуры и административной практики, продолжают существовать в христианской Болгарии⁶², что указывает на стабильность этих институций и на склонность такого типа обществ к поддержанию древних традиций.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова-Фиданян В.А.* К вопросу об основных характеристиках контактной зоны // Контактные зоны в истории Восточной Европы: Перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995. С. 42–61.
- Бакалов Г.* Средновековният български владетел (Титулатура и инсигнии). София, 1985.
- Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. Второ преработено и допълнено издание. София, 1992.
- Божилев Ив.* Раждането на средновековна България (нова интерпретация) // Исторически преглед. 1992. № 1–2. С. 3–34.
- Божилев Ив.* Седем етюда по средновековна история. София, 1995.
- Бояджиев С.* Архитектурата на българите от VII до XIV век в три тома. София, 2008. Т. 1: Дохристиянска архитектура.
- Ваклинова М.* Дворците в средновековна България // България 1300. Институции и държавна традиция. София, 1982. Т. 2. С. 255–263.

⁶¹ *Kradin N.* State Origins in Anthropological Thought. P. 31–32.

⁶² См.: *Бакалов Г.* Средновековният български владетел; *Степанов Цв.* Власт и авторитет в ранносредновековна България; *Славова Т.* Владетел и администрация в ранносредновековна България. С. 297–298.

- Васютин С.А., Пугачев А.Ю.* Тюрко-болгары, Византия и славяне в конце VII — VIII веке: Модель военно-политической адаптации кочевников в полупериферийной зоне земледельческой цивилизации // *Славяноведение*. 2009. № 4. С. 3–16.
- Георгиев П.* Големият езически храм в Плиска // *Проблеми на прабългарската история и култура*. София, 1989. [Т. 1]. С. 338–354.
- Гутнов Ф.Х.* Аланы начала нашей эры в закавказских памятниках // *ДГ*. 2003 год. М., 2005. С. 50–62.
- Гюзелев В.* Отново за столиците на средновековна България (Няколко нови гледища и хипотези) // *Studia protobulgarica et mediaevalia europemisia* (в чест на проф. Веселин Бешевлиев). Велико Търново, 1993. С. 3–13.
- Живков Б.* Хазария през IX и X век. София, 2010.
- Кляшторный С.Г.* Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии // *Проблемы политогенеза кыргызской государственности*. Бишкек, 2003. С. 115–125.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и Средневековье. СПб., 2000.
- Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Контактные зоны в истории Восточной Европы: Перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995.
- Королюк В.Д.* Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе // *Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования*. М., 1975. С. 158–184.
- Кортаев А.В.* Социальная эволюция: Факторы, закономерности, тенденции. М., 2003.
- Корпус Боспорских надписей / Отв. ред. В.В. Струве. Л., 1965.
- Крадин Н.Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // *Ранние формы политической организации: От первобытности к государственности*. М., 1995. С. 11–61.
- Крадин Н.Н.* Кочевые общества. Владивосток, 1992.
- Крадин Н.Н.* Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // *Вопросы истории*. 2001. № 4. С. 21–32.
- Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. М., 2006.
- Крыкин С.М.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993.
- Марков Г.Е.* Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.
- Мошев Ал.* Родовото име Дуло — произход и значение (Една хипотеза) // *Старобългаристика/Palaeobulgarica*. 2008. № 1. С. 19–35.
- Павленко Ю.В.* Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). Киев, 1989.
- Панова Р.* Столичният град в културата на средновековна България. София, 1995.

- Попов А.Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Т.1.
- Прицак О. Българо-арабска кореспонденция от IX век // Минало. 2006. № 1. С. 16–19.
- Рашев Р. Българската езическа култура VII–IX век. София, 2008.
- Славова Т. Владетел и администрация в ранносредновековна България. Филологически аспекти. София, 2010.
- Станев К. Боспорското наследство на прабългарите. Защо Аспарух е носил това име и произход на знака YU // Минало. 2005. № 1. С. 25–34.
- Станислов С. Селища и аули (някои въпроси за преселението и усядането на прабългарите на Долния Дунав — VII–VIII в.) // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984. С. 100–105.
- Степанов Цв. *Imitatio Imperii Romanorum (et Christianorum)*: имперска символика при българи и франки в началото на IX век // Средновековният българин и «другите». Сборник в чест на 60-годишнината на проф. дин Петър Ангелов / Съставители А. Николов и Г.Н. Николов. София, 2013. С. 87–96.
- Степанов Цв. Болгарские, аварские и хазарские аристократические имена в эпоху раннего средневековья (К вопросу о скифско-сарматском и алтайском наследстве в Центральной и Восточной Европе) // Anamnesis. 2010. № 11. С. 29–46. online at URL: <<http://www.anamnesis.info>>.
- Степанов Цв. Българите от най-древни времена до втората половина на VII в. // История на българите. София, 2003. Т. 1: От древността до края на XVI век / Под редакцията на Г. Бакалов. С. 11–94.
- Степанов Цв. Владетелската доктрина в предхристиянска България (Един опит за «прочит» и интерпретация) // Родина. 1997. № 3–4. С. 5–18.
- Степанов Цв. Власт и авторитет в ранносредновековна България (VII — средата на IX в.). София, 1999.
- Степанов Цв. Мифологическите стратегии генеалогии власти в раннесредновековна България и Хазарии // Хазарский альманах. Харьков, 2010–2011. Т. 9. С. 241–257.
- Степанов Цв. Развитие концепции сакралного царя у хазар и болгар епохи раннего Средневековья // Хазары / Ред. В.Я. Петрухин и др. М.; Иерусалим, 2005 [Евреи и славяне. Т. 16]. С. 317–325.
- Степанов Цв. Средновековните българи. Нови факти, интерпретации, хипотези. София, 2000.
- Чобанов Т. Свещените дворци на българските канове. София, 2008.
- Чурешки С. Имената на князете от Именника на българските князе — славянски, тюркски или други? // Минало. 2001. № 3. С. 15–29.
- Barfield Th. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China*. Oxford, 1989.
- Barfield Th. *Tribe and State Relations: The Inner Asian Perspective* // *Tribes and State Formation in the Middle East* / P.S. Khoury, J. Kostiner. L., 1991. P. 153–182.

- Carneiro R.* Scale Analysis, Evolutionary Sequences, and the Rating of Cultures // A Handbook of Method in Cultural Anthropology / R. Naroli, R. Cohen. N.Y., 1970. P. 834–871.
- Carneiro R.* The Chieftdom as Precursor of the State // The Transition to Statehood in the New World / G. Jones, R. Kautz. Cambridge, 1981. P. 37–79.
- Claessen H., Skalnik P.* Limits: Beginning and End of the Early State // The Early State / H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; Paris; N.Y., 1978. P. 619–635.
- Claessen H., Skalnik P.* The Early State: Models and Reality // The Early State / H. Claessen, P. Skalnik. The Hague; Paris; N.Y., 1978. P. 637–650.
- Claessen H.J.M.* Was the State Inevitable? // Social Evolution & History. 2002. Vol. 1. P. 101–117.
- Di Cosmo N.* Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History. Cambridge, 2004.
- Di Cosmo N.* Ancient Inner Asian Nomads: Their Economic Basis and Its Significance in Chinese History // The Journal of Asian Studies. 1994. Vol. LIII/4. P. 1092–1126.
- Drompp M.* Imperial State Formation in Inner Asia: The Early Turkic Empires (6th to 9th Centuries) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2005. Vol. 58/1. P. 101–111.
- Earle T.* Chieftdoms in Archaeological and Ethnohistorical Perspective // Annual Review of Anthropology. 1987. Vol. 16. P. 279–308.
- Golden P.* “Ascent by Scales”: the System of Succession in Kievan Rus’ in a Eurasian Context // States, Societies, Cultures: East and West. Essays in Honor of Jaroslav Pelenski / J. Duzinkiewicz et al. N.Y., 2004. P. 229–258.
- Golden P.* Ethnicity and State Formation in Pre-Činggisid Turkic Eurasia // The Central Eurasian Studies Lectures 1. Bloomington, Indiana, 2001.
- Golden P.* Nomads and their Neighbours in the Russian Steppe: Turks, Khazars and Qipčaq. Hampshire; Burlington, 2003.
- Khazanov A.* Nomads and the Outside World. Madison; Wisconsin, 1984; 2nd ed. 1994.
- Krader L.* Formation of the State. Englewood Cliffs, N.J., 1968.
- Krader L.* The Origin of the State among the Nomads of Asia // The Early State / H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; Paris; N.Y., 1978. P. 93–107.
- Kradin N.* Nomadic Empires: Origins, Rise, Decline // Nomadic Pathways in Social Evolution / N. Kradin et al. Moscow, 2003. P. 73–87.
- Kradin N.* State Origins in Anthropological Thought // Social Evolution & History. 2009. Vol. 8. No 1. P. 25–51.
- Markov G.E.* Problems of Social Change Among the Asiatic Nomads // The Nomadic Alternative / W. Weissleder. The Hague; Paris, 1978. P. 305–311.
- Minaeva O.* From Paganism to Christianity: Formation of Medieval Bulgarian Art (681–972). Frankfurt-am-Main et al., 1996.

Nomadic Pathways in Social Evolution / N. Kradin, D. Bondarenko, Th. Barfield. Moscow, 2003.

Noonan Th. Some Observations on the Economy of the Khazar Khaganate // The World of the Khazars. New Perspectives. Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium. Leiden; Boston, 2007. P. 207–244.

Noonan Th. The Khazar Economy // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1995–1997. Vol. 9. P. 253–318.

Pritsak O. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955.

Pritsak O. The System of Government under Volodimer the Great and His Foreign Policy // Harvard Ukrainian Studies 19, 1995 [1997]. P. 572–593.

Service E. Origins of the State and Civilization. N.Y., 1975.

Service E. Primitive Social Organization. 2nd ed. N.Y., 1971.

Stepanov Ts. Rulers, Doctrines, and Title Practices in Eastern Europe, 6th–9th Centuries // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 2005. Vol. 14. P. 263–279.

Stepanov Ts. The Bulgar Title ΚΑΝΑΣΥΒΙΓΓΙ: Reconstructing the Notions of Divine Kingship in Bulgaria, 822–836 // Early Medieval Europe. 2001. Vol. 10/1. P. 1–19.

Stepanov Ts. The Bulgars and the Steppe Empire in the Early Middle Ages: The Problem of the *Others*. Leiden; Boston, 2010.

The Early State / H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; Paris; N.Y., 1978.

The Study of the State / H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague, 1981.

Treadgold W. The Bulgars' Treaty with the Byzantines in 816 // Rivista di Studi Bizantini e Slavi. 1984. T. 4. P. 213–220.

Wittfogel K. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven, CT, 1957.

Ziemann D. Between Authoritarianism and Consensus: Domination and the Role of Nobility in the First Bulgarian Realm (7th — late 9th century) // Bulgaria Mediaevalis / V. Gjuzelev, V. Tăpkova-Zaimova, K. Nenov. Sofia, 2011. Vol. 2. P. 373–397.

Tsvetelin Stepanov

BULGAR POLITIES IN THE FOURTH–NINTH CENTURIES: FROM CHIEFDOM TO THE EARLY STATE

Abstract: The author of this article uses key concepts such as “chiefdom”/“dukedom” and “early state” in order to explain the development of both the Bulgars’ political ideas and organization in the period between the fourth and mid-ninth century. *Great Bulgaria* of Qubrat could be positioned between the levels of “chiefdom” and “early state”. For the period before the establishment of Qubrat’s *Great Bulgaria*, the known early Bulgar polities were not in the phase of state organization known in Late Antiquity and during the

Early Middle Ages as “barbarian states” (with their synthesis of *Germanic* and *Roman* plus *Christian* elements). The Bulgars in the decades between the fourth and early seventh centuries can be best depicted as having “stratified societies”, i. e. “chiefdoms”. According to the author, the specific features in Bulgar statehood of the period between the late seventh and the late eighth century seem to be best explained through the prism of the geographical situation of Danube Bulgaria which was positioned partly on ex-Byzantine territories and as a legitimate state being officially declared as such by the Eastern Romans themselves at that, which means that Danube Bulgaria was not of the *foederati*-type polities on Byzantine territory known in the fourth and fifth centuries. Its *status* as a “state” was also confirmed by the Western Christian powers. From the early ninth century till the 860s, the Bulgar statehood is “under modernization” and Bulgaria is already a typical “barbarian state”. Yet the Bulgar state was not of the type well known as “German-Roman” synthesis, but the synthesis of both *steppic* (Irano-Turkic) and carefully “adapted” *Roman* features and traditions. This indeed is the main and specific Bulgar contribution to the protracted process of establishment of the early states in Medieval Europe. Therefore in the first six decades of the ninth century Bulgaria was neither an “imperial confederation” of Central Asiatic type, nor a “complex chiefdom”.

Keywords: Bulgars, chiefdom, early state, imperial confederations, steppe empire